

Чжаньлу невинно посмотрел на него в ответ.

Ли Цзинхэн прошел к Ноль-Ноль-Первому и, слегка согнувшись, произнес:

— На подвесной тропе действует ограничение по весу. Вам стоило сказать об этом заранее. Только посмотрите, как опасно! Давайте я вам помогу.

На словах он предложил помощь, но обе руки глубоко засунул в карманы так, что вытащить их казалось невозможным, а на лице читалось злорадство праздного зеваки.

Лицо Ноль-Ноль-Первого посинело вперемешку с багрянцем. Сквозь сжатые зубы он поднялся на ноги. Охваченный жадой убийства, он свирепо зыркнул на Чжаньлу, после чего нажал на маленький приборчик у себя на мочке уха:

— Провести техосмотр воздушной тропы!

Выплюнув это, он больше не пытался сохранять видимость вежливости и, с мрачным лицом зашагал вперед, указывая дорогу.

Прозрачная тропа быстро подошла к концу. У ее обрыва раскинулась просторная площадка, откуда доносилось рычание, словно загнанных в ловушку зверей.

Это было круглое открытое пространство, напоминающее спортивный стадион, окруженное трибунами. На нижних рядах сидели люди в халатах исследователей, занятые записью экспериментальных данных. На дальних рядах сидели гости, подобные Ли Цзинхэну, с весьма помрачневшими лицами.

Когда Ноль-Ноль-Первый провел Ли Цзинхэна внутрь, один из мужчин, стоявших в самом дальнем углу, невольно поднял голову и встретился взглядом с Ли Цзинхэном.

Этот человек был высок ростом и чрезвычайно красив, но красотой не совсем типичной. Торчавший на лице горбатый нос придавал ему нечто мрачное, а над переносицей сверкали глаза разного цвета — разноцветные «глаза мандаринки». Говорили, что в молодости этот человек получил травму левого глаза и ему потребовалось искусственное глазное яблоко. По тогдашним технологиям искусственный глаз можно было сделать точь-в-точь как настоящий, но кто в молодости не совершал глупостей?

Этот страдавший юношеским максимализмом в те годы господин ради оригинальности нарочно выбрал радужку другого цвета, воображая себя невероятно крутым. В итоге он докрутился до того, что стал похож на персидскую кошку редкой и неудачной масти, а когда вырос и пожалел об этом, было уже поздно.

Этим человеком был родной отец того самого ректора Лу с Пекина-Бета — Одноглазый Ястреб.

Когда у союзного предателя Лу Синя начались проблемы, госпожа Лу сбежала вместе с мехом Чжаньлу. Военные Союза преследовали ее вплоть до Восьмой звездной системы, пока на полпути не появилась какая-то неизвестная сила и не перехватила госпожу Лу. Поскольку армия к тому моменту уже завладела Чжаньлу, а маленький звездолет госпожи Лу был поражен ракетой и, судя по всему, находился в состоянии полной прожарки, военные не стали с ней возиться.

Пятнадцать лет назад генерал Ли во главе отряда проводил зачистку остатков межзвездных пиратов. Проезжая через Восьмую звездную систему, он тайно покинул отряд и специально заглянул повидаться с Одноглазым Ястребом.

Никто не знал, зачем грозному генералу Союза понадобилось встречаться с торговцем оружием, и никто не знал, о чем они беседовали.

Как бы то ни было, когда пять лет назад дошли слухи о гибели Ли Цзинхэна от рук наемников, Одноглазый Ястреб вздохнул с облегчением.

В этот момент он совершенно неожиданно нос к носу столкнулся с Ли Цзинхэном. Сначала он опешил, поскольку небрежный вид Ли Цзинхэна резко контрастировал с тем образом, который был у него во времена генеральской службы. Затем Ли Цзинхэн слегка улыбнулся ему, и от этой улыбки веяло так, будто она появилась прямоком из кошмарного сна.

Одноглазому Ястребу тут же показалось, что он встретился с призраком: по всему телу дыбом встали волосы, а разноцветные глаза едва не вылезли из орбит, заставив его инстинктивно положить руку на рукоять оружия у пояса.

— Господин Лу, здоровья желаю, — Ли Цзинхэн протянул ему руку. — Последний раз мы виделись больше десяти лет назад, но вы, по-моему, ничуть не изменились. В последние годы я обосновался на Пекине-Бета и все никак не находил времени нанести вам визит. Право, это свинство с моей стороны, но при первой же возможности я обязательно зайду лично принести извинения.

Плечи Одноглазого Ястреба напряглись, на шее вздулись вены. Ли Цзинхэн по-прежнему холодно и неизменно улыбался, его протянутая рука висела в воздухе, и казалось, что воздух между ними мгновенно застыл.

Подозрительный взгляд Ноль-Ноль-Первого скользнул по лицам обоих:

— Вы двое?..

В этот самый момент с арены под трибунами раздался раздирающий душу вопль, вызвавший всеобщий переполох и прервавший нависшее между мужчинами напряжение.

Ли Цзинхэн как ни в чем не бывало отдернул руку и кивнул Одноглазому Ястребу:

— Пустяки. Просто встретил старого друга, немного взволновался.

Ноль-Ноль-Первый, считавший себя человеком великих дел, не интересовался разборками шпаны в преступном мире. Увидев, что те не собираются устраивать драку прямо здесь, он поленился докапываться до сути и лишь усадил Ли Цзинхэна подальше от Одноглазого Ястреба.

В этот момент никто уже не обращал внимания на происходящее у входа — все взгляды были прикованы к двум мужчинам на арене.

Хотя сам Ли Цзинхэн обладал вполне стройной и высокой фигурой, те двое были по меньшей мере на голову выше его, а их массивное телосложение казалось настолько чрезмерным, что они едва походили на людей. Они стояли с обнаженными торсами, сплошь улепленными датчиками. Рядом с ареной на полупрозрачных экранах одна за другой мелькали цепочки данных.

Один из мужчин неизвестно откуда выхватил пистолет и в упор сделал три выстрела в грудь противника. На экране с точностью отображались скорость и траектория пуль, способных пробить насквозь быка, однако грудь его оппонента выглядела словно плита броневой стали. Громко взревев, он бросился навстречу пулям, буквально загородив дуло грудными мышцами, и замахнулся кулаком на стрелка.

Стрелок отклонил голову назад, уворачиваясь, и кулак угодил в стоявший рядом фонарный столб. Высокая металлическая мачта со страшным треском переломилась и с грохотом рухнула с десятка метров прямо на трибуны, заставив зрителей в панике разбегаться.

Затем человек, заслонивший дуло, нанес второй удар. На этот раз противник увернуться не успел. На арене раздался противный глухой звук: шея ударенного неестественно согнулась вбок, шейные позвонки явно были сломаны. Но даже со сломанными на месте позвонками этот человек не умер и продолжал действовать как ни в чем не бывало. В его глазах вспыхнула кровь, и он открыл беспорядочную стрельбу из пулемета, превратив соперника в решето — в буквальном смысле слова.

Пули застряли в обнаженной груди того человека, образовав целый ряд торчащих наружу и внутрь металлических наконечников, словно на груди вырос ряд кривых зубов!

Кровавость этой картины превосходила любые человеческие представления, и кое-кого на зрительских трибунах стошнило от вида закрывших рты людей.

И в этот самый момент таймер на полупрозрачном экране издал звуковой сигнал — ровно пять минут.

Этот звонок словно обладал какой-то магической силой: оба мужчины-монстра вмиг замерли, уподобившись двум зверям-Золушкам, услышавшим полночный бой часов.

Следом кожа мужчины со сломанной шеей покраснела, мгновенно став алой, как у вареного рака. Затем из всех пор его тела начала сочиться кровь, и он, подобно проткнутому мешку с плазмой, стремительно усох. Его величественное и пугающее тело мгновенно растаяло, обнажая скрытый внутри багровый скелет.

Другой мужчина дико завопил и безумным криком бросился бечь с арены. Никто не стал его останавливать, в этом не было нужды.

Пока он бежал, плоть и кожа на его теле сыпались вниз хлопьями, словно не по размеру большое пальто. Пробежав пятьдесят метров, он остановился. Затем оставшиеся на костях мышцы и связки синхронно лопнули, скелет не выдержал нагрузки и рухнул вперед, а его глазные яблоки выкатились на три метра вперед.

На трибунах воцарилась мертвая тишина, Ли Цзинхэн нахмурился.

Мгновение спустя среди авторитетных воротил разбулоса буря:

— Что это за хрень?

— Тот трофейный чип, что у вас на руках, — всего лишь низкосортный полуфабрикат, — тихо произнес Ноль-Ноль-Первый, обращаясь к Ли Цзинхэну.

Затем он повернулся, направился прямо к двум телам и, надев перчатки, выломал чип из груди одного из трупов. Растянув рот в оскаленной улыбке, обнажавшей десны, он произнес:

— Господа, я уверен, вы и сами все увидели своими глазами. Подопытные номер пять и номер шесть до вживления чипа были обычными мужчинами ростом около метра восьмидесяти и весом от семидесяти пяти до восьмидесяти пяти килограммов, не проходившими никакой военной или физической подготовки. Но после инъекции чипа их рост, вес, процент жира в организме и все физиологические показатели претерпели кардинальные изменения.

Это один из наших научных результатов, — продолжая говорить, Ноль-Ноль-Первый поднял чип вверх. — Мы назвали этот проект План Воскрешения Богов.

Одноглазый Ястреб усмехнулся:

— Воскрешение Богов? Прошу прощения, но мне кажется, это следует назвать План Встречи с Дьяволом.

— Разумеется, это лишь экспериментальный образец, время работы которого составляет всего пять минут, — сказал Ноль-Ноль-Первый. — Но наши технологии уже достаточно отточены, и в ближайшие два месяца мы планируем значительно увеличить время автономной работы. Только представьте себе, господа: мощный, обладающий неисчерпаемой силой, бесстрашный отряд суперлюдей.

Одноглазый Ястреб заметил:

— Полагаю, в современных войнах уже не осталось этапа рукопашной возни с царапанием лиц.

Ноль-Ноль-Первый бросил на него взгляд:

— Вы правы. Помимо продемонстрированной вам биологической эволюции, эти модифицированные бойцы являются идеальными пилотами мехов. Стыкуясь с мехом, они становятся частью его корпуса. Думаю, у всех здесь присутствующих есть понимание: в реальном бою максимальная степень соответствия человеческой психики и духовной сети меха составляет не более девяноста процентов, всегда остается брешь. Если пороговое значение духовной энергии противника превышает ваш барьер, контроль над вашим мехом переходит к врагу.

Ли Цзинхэн из Серебряной Крепости в свое время был непобедим и отправлялся куда угодно в одиночку на единственном мехе именно благодаря своему колоссальному порогу духовной энергии.

Но что, если в мире появятся мехи, в которые невозможно проникнуть?..

Ноль-Ноль-Первый обвел взглядом присутствующих, улыбнулся и, взмахнув рукой, развернул висевший рядом полупрозрачный экран, запустив запись нескольких моментов недавней рукопашной схватки двух мужчин:

— К тому же скорость реакции модифицированных людей в шестнадцать раз выше, чем у обычных. В войне мехов вы прекрасно понимаете, что это значит.

Одноглазый Ястреб хмыкнул:

— Мы прекрасно жили свою жизнь, с какой стати нам готовиться к войне?

Ноль-Ноль-Первый с легким поклоном обратился к нему:

— Уважаемый господин, если вы не ищете войны, это не значит, что война не придет за вами. Господа, возможно, вы еще не знаете: в ночь на 29 июня по космическому времени, то есть примерно шестнадцать назад, тысяча сверхпространственных тяжелых броненосцев стерла Серебряную Крепость в порошок. В то же самое время неизвестные проникли на Столичную

Планету и убили Секретаря Союза...

Ли Цзинхэн едва заметно качнулся.

Однако это мимолетное движение было практически незаметным, поскольку Восьмая звездная система находилась слишком далеко от остальных миров, и новости о чрезвычайных происшествиях доходили не так быстро. Оглушенные внезапной бомбардировкой шокирующими новостями, присутствующие растерянно переглянулись.

— Невозможно!

— Есть доказательства?

— Хватит здесь сеять панику, чего вы добиваетесь?

Ноль-Ноль-Первый щелкнул пальцами, полупрозрачный экран поднялся в воздух, и на нем воспроизвелась видеозапись.

Возвышающийся командный пункт крепости рухнул в клубах поднимающейся пыли, оглушительный грохот заполнил пространство, после чего вспыхнул ослепительный свет. Все невольно зажмурились. Среди выжженной земли упал обломок меха, на котором виднелась половина эмблемы Союза — кольцо мира, обвитое восемью лозами.

— Это наша эра, — Ноль-Ноль-Первый широко раскинул руки. — Восьмая звездная система двести лет находилась под каблуком Союза, пришло и наше время оказаться на гребне волны. Присоединяйтесь к нашему походу, каждый здесь сидящий станет творцом истории!

Пока межзвездный социопат Ноль-Ноль-Первый произносил пламенную речь, вербуя сторонников, незаметный одноместный мех в режиме автопилота тихо скользнул в зону швартовки космической станции, автоматически прошел проверку безопасности и припарковался среди множества других машин, ничуть не привлекая к себе внимания.

Каждый день через станцию проходили бесчисленные одиночные мехи, и система безопасности молчала как рыба, не подавая ни малейших признаков тревоги.

Никто и предположить не мог, что внутри находились четыре подростка, которых впервые в жизни укачало во время космического путешествия.

15. Глава 15

Вайт очнулся первым. Растерянно поднявшись на ноги, он первым делом ощупал себя с головы до ног, убедившись, что на месте все детали тела, а мозги не разлетелись по кабине. Только

после этого он испустил долгий вздох облегчения, рухнул плашмя на спину и замер с животом кверху.

Ему казалось, что он чудом вырвал свою собачью жизнь из лап смерти.

У семьи Вайта водились кое-какие деньги, и в детстве он даже ездил с туристической группой Седьмой звездной системы. Проведя полмесяца на звездолете, он возомнил, будто способен свободно бороздить космические просторы. Однако на пассажирском лайнере более 80% собственного веса приходилось на вспомогательные системы, и в шикарном звездолете человек почти не ощущает разницы с земной поверхностью, что было совсем не похоже на боевое оружие вроде меха.

Он лежал там, с опустошенной душой размышляя о жизни и смерти, и уже почти достиг просветления, как вдруг рядом послышалось шевеление — одна за другой в сознание пришли Мята и Хуан Цзиншу.

Хуан Цзиншу пролежала на полу, содрогаясь в сухих позывах тошноты, целых пять минут, после чего ткнула пальцем в Мяту и прошипела:

— Ах ты, ручонки загребушие, дрянь...

Мята и сама понимала свою вину, поэтому на редкость великодушно стерпела это оскорбление. С трудом поднявшись на ноги, она качалась из стороны в сторону, не в силах пройти прямо:

— Где это мы?

Хуан Цзиншу злобно зыркнула на нее:

— Спрашиваешь меня?

— Здесь есть бортовой журнал, — Вайт теперь боялся прикоснуться к чему-либо в мехе. Прижав руки по швам и встав на цыпочки в позе стойки «смирно», он задрал голову к приборной панели. — Я... Погодите-ка, кто из вас умеет читать звездные координаты?

Обе девушки переглянулись.

Вайт беззаботно ухмыльнулся:

— Даже звездных координат читать не умеете, а вот так запросто вывели мех в космос?

— На люке горят два зеленых индикатора, — не обращая на него внимания, Мята ковыляя

направилась к выходу. — Дай-ка взгляну... Давление... Нет, это атмосферное давление снаружи, а второй, вероятно, качество воздуха. Кажется, Четвертый говорил, что умное ядро есть только у продвинутых мехов, а у таких начальных моделей сигналы связи простые — только лампочки... Обычно, если не считать светофоров, зеленый цвет означает что-то хорошее, верно?

Вайт спросил:

— Мы случайно все еще не на Пекине-Бета? Сделали круг и снова рухнули в атмосферу?

— Хватит болтать, сначала надо выбраться отсюда. Если придется лететь еще раз, мы точно умрем внутри, — Хуан Цзиншу поднялась на ноги. В этот момент она словно что-то вспомнила и подозрительно прищурилась: — Постойте-ка, кажется, кого-то не хватает?

Мгновение спустя в одном из углов они обнаружили Петушиного Гребня. Тот уже пустил пену изо рта, и его вид был поистине плачевным. Хуан Цзиншу пнула его носком ботинка в голень:

— Этот тип вообще жив?

В мехе вообще-то имелось медицинское оборудование, но после короткого совещания троица решила, что Петушиный Гребень все-таки живая душа, и устраивать на нем столь рискованные эксперименты не стоит. Возложить бремя транспортировки на свои плечи пришлось Вайту, которому предстояло тащить товарища на поиски помощи.

Петушиный Гребень был парнем рослым и крепким: если выпотрошить его начинку, в одну его оболочку Вайта можно было запихнуть целиком. Полуживое тело давило на Вайта, превращая главного технаря Звездного академгородка в перегруженного работой ослика. Тяжело дыша, пропитываясь горячим потом и докрасна заливаясь краской, Вайт слушал, как две его однокурсницы на все лады кроют друг друга трехэтажным матом, пока в ходе столь корявых препирательств не родился план — просто взломать люк.

— Раз он вырубился, его духовная сеть наверняка отключилась от пилота. Всю дорогу мы шли по автоматическому фарватеру, и раз уж прибыли в пункт назначения, то выйти должны в любой момент, — поясняла Мята, робко пытаясь ухватиться за люк. — Только я понятия не имею, как эта штука...

Слово открыть застряло в горле, так как мех снова издал леденящий душу вздох.

Лица троих подростков побледнели от страха — они решили, что эта петарда вновь собирается в путь. В тот момент, когда Вайт уже мысленно приготовился потерять сознание во второй раз, внутрь пахнуло струей воздуха с необычным запахом, и люк плавно отъехал в сторону.

Неизвестно сколько времени прошло, прежде чем Мята с трудом повернула шею:

— ...Где это мы?

Перед их глазами предстали ряды мехов, отливавших монотонным холодным блеском и припаркованных бок о бок в огромном ангаре. На каждом мехе громоздилось зловещее оружие, причем черное жерло пушки смотрело прямо на них, источая смертоносную ауру.

Тихий шелест ветра доносился с другого, невидимого глазу конца склада, напоминая приглушенный шепот.

Вайт слегка задрожал.

Это определенно был не Пекин-Бета.

Вдруг Хуан Цзиншу резко дернула Мяту за руку, втащив обратно за дверь и зажав ей рот ладонью.

В следующую секунду раздались шаги, приближавшиеся издалека. Трое подростков затаили дыхание и, сбившись в кучу, выглядывали через щель люка наружу. Мимо них медленно проехала грузовая платформа, рядом с которой шагали двое мужчин с нарисованными на лицах ядовитыми насекомыми, держа в руках оружие. На платформе лежала вереница неподвижных детей — то ли живых, то ли мертвых.

Один из них произнес:

— У этих пиратов аппетиты растут с каждым днем. Теперь они сгребли сюда всех сколько-нибудь известных людей со всей Восьмой звездной системы, они что, реально вздумали взбунтоваться?

Другой ответил:

— Ты что, не слышал, что столицу уже захватили? Другие уже всю уплетают мясо, если мы замешкаемся, нам даже бульвара не достанется. Если подумать, мы принадлежим Союзу уже больше ста лет, но разве Союз хоть раз о нас заботился? Разве это проклятое место не осталось той же дырой, что и прежде? Бунтовать так бунтовать.

Первый на мгновение замолчал:

— Но хотя Союз о нас и не заботился, они все же не относились к людям как к скоту...

— Тц, не болтай лишнего.

Оба замолчали, и их приглушенные шаги вместе с грохотом платформы постепенно стихли.

Лишь спустя долгое время Хуан Цзиншу убрала руку со рта Мята и тихо сказала:

— Я их видела.

Вайт и Мята уставились на нее, а Хуан Цзиншу в двух словах пересказала то, что произошло с ней в день поступления в Звездный академгородок.

Вайт опешил:

— Т-ты... ты страдаешь синдромом пу... пустого мозга?

Хуан Цзиншу холодно окинула его взглядом:

— Пустым мозгом, и что с того? Заняла твою оперативку?

Вайт втянул голову в плечи и больше не смел подавать голос.

Мята задумалась:

— Если рассуждать так, многое начинает проясняться. Этот мех, скорее всего, принадлежал тому самому человеку, с которым ты столкнулась. Четвертый разобрался с хозяином, а мех отдал нашей школе. Я, видимо, случайно активировала функцию автовозврата на базу, и теперь эта железяка притащила нас прямо в логово этих негодяев!

Вайт, тащивший на себе бесчувственного Петушиного Гребня, почувствовал, как у него задрожали икры:

— Тогда давайте скорее вызовем полицию!

Выслушав его гениальное предложение, Хуан Цзиншу и Мята хором ответили:

— Проваливай!

Вайт: «...»

Мята бросила взгляд на потерявшего сознание Петушиного Гребня и честно признала:

— Вернуть эту штуку обратно на базу нечего и надеяться. Что нам теперь делать?

Все четверо напоминали затерянных в пустыне путников: в какую сторону ни поверни, везде маячила верная смерть. Оставалось лишь выбирать способ умереть — с голодухи застрять на месте, попытаться снова запустить мех и убить себя об стену либо быть обнаруженными и прирезанными за ненадобностью.

Хуан Цзиншу задумалась:

— Подождите, вы слышали, что те двое только что говорили?

Вайт: «О том, чтобы свергнуть Союз?»

— Верно. Один из них сказал, что все сколько-нибудь известные люди Восьмой звездной системы заперты здесь... Что это значит? Считается ли Четвертый «известным человеком»?

— Даже если Четвертого нет, найдутся другие. Раз уж их сюда «заперли», они явно оказались здесь не по своей воле, — заметила Мята. — Значит, ситуация у них такая же, как у нас. Найдем их — останется вопрос, удастся ли нам отсюда выбраться, но в любом случае это надежнее, чем сидеть взаперти здесь.

Трое находившихся в сознании пришли к единому мнению. Хотел Вайт того или нет, ему пришлось подчиниться большинству, и он благоразумно закрыл рот, с горьким стоном взвалив на плечи Петушиного Гребня. Пространство вокруг было забито пугающими мехами, поэтому бродить наугад они не осмелились и, изнывая от голода и холода, побрели вперед вдоль путей той самой грузовой тележки.

На Пекине-Бета, едва обретя свободу, Лу Бисин тут же бросился на поиски Ли Цзинхэна. Однако его ждал пустой кабинет: Пени сообщила, что Четвертый уже покинул планету!

Ли обычно вел затворнический образ жизни и за пять лет ни разу не покидал пределов атмосферы дальше чем на полшага, но именно сегодня его черт дернул уехать далеко.

Подобное уже не удавалось объяснить банальным «невезением», и у Лу Бисина задергался глаз.

— Сестрица Пени, — обратился к ней Лу Бисин, — можно мне одолжить мех?

<http://bllate.org/book/19100/1876004>